

Список литературы

1. Арсеньев А. С. Размышление о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» / А. С. Арсеньев // Вопросы философии. — 1993. — № 5.
2. Выготский Л. С. Собр. соч. // Л. С. Выготский. — М. : Педагогика, 1984. — Т. 4.
3. Erikson E. H. Identity: Youth and crises / E. H. Erikson. — N. Y., 1968.

Т. В. Дробышева, М. А. Романовская

Особенности социально-психологических свойств личности в зависимости от условий ранней социализации в семье¹

В статье представлены результаты сравнительного исследования социально-психологических свойств личности в группах детей, воспитывающихся в семьях с наемным работником (няней) и без няни. Особенности проявления эмпатии, самостоятельности, направленности, активности во взаимодействии со сверстниками в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семьях с няней, рассматриваются как показатели низкого уровня их социально-психологической зрелости. Исследованы внутренние факторы социально-психологических свойств личности в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семьях с няней. Для них характерно сочетание неадекватного, чаще заниженного уровня притязаний, завышенной самооценки, высокого уровня ситуативной тревожности и низкого социального статуса в группе сверстников.

Ключевые слова: социально-психологические свойства личности, ранняя социализация, наемный работник (няня), факторы ранней социализации.

Значение влияния семьи на психическое развитие ребенка на разных этапах его жизни сложно переоценить. В изучении условий ранней социализации² в семье исследователи акцентируют внимание на вопросах изменения детско-родительских отношений в разные периоды (стабильные/кризисные; от младенчества к дошкольному возрасту); роли привязанности ребенка младенческого и раннего возраста к матери в процессе его эмоционального, личностного развития; функции матери в формировании образа отца; влияния материнской привязанности на устойчивость к стрессам и т. п. (Н. Н. Авдеева, И. В. Хохлачева, Н. А. Хаймовская; М. А. Василенко; Л. А. Головей, С. С. Савенкова, В. Е. Василенко; Е. С. Калмыкова, М. А. Падун; О. Е. Смирнова, М. В. Соколова и др.). Многие авторы отмечают, что условия социального развития ребенка в раннем возрасте определяют специфику его социализации на следующих этапах развития (Н. Н. Авдеева, И. В. Хохлачева, Р. Бернс, Л. И. Божович, М. А. Василенко, М. И. Лисина, С. Ю. Мещерякова, Э. Эриксон и др.). В частности, в концепции Э. Эриксона формирование базового доверия личности обусловлено качеством привязанности матери к младенцу [22]. Чрезмерную опеку и отвержение матерью ребенка в раннем детстве А. Адлер считал причиной последующего дисгармоничного развития его личности [2]. По данным исследований Н. Н. Авдеевой, неблагоприятная адаптация к детскому саду отмечается у детей с ненадежной привязан-

¹ Государственное задание ФАНО № 0159-2016-0001. No 0159-2016-0001 Federal Agency for Scientific Organizations (FASO Russia) State order.

² Данный период включает младенчество, раннее детство и дошкольное детство.

ностью, дефицитом позитивного эмоционального взаимодействия в диаде «мать — ребенок» [1]. Близкие результаты были получены М. А. Василенко, которая обнаружила, что ранняя надежная привязанность (до 2-летнего возраста), даже при последующей ее трансформации в менее надежную, остается значимым фактором, влияющим на эффективность социализации ребенка [5]. Иными словами, качество психологической связи матери с младенцем впоследствии отражается на отношениях ее ребенка с окружающим миром, на его взаимодействии со сверстниками в детском коллективе.

Начиная с 90-х годов XX века институт семьи претерпел существенную трансформацию [15; 16; 18]. Отмечают увеличение числа гражданских браков, нежелание молодых людей принимать ответственность за семью, стремление женщин к профессиональной самореализации в ущерб семейной жизни, их добровольный отказ от материнства (чайлдфри) или перенос материнских функций на наемного работника (няню) (А. П. Багирова, Л. А. Грицай, Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, М. В. Казачихина, М. А. Романовская и др.). В частности, как показало одно из наших исследований, большинство матерей, которые приглашают в семью няню по уходу за ребенком (с рождения и до трех лет), отличаются психологической дистанцированностью в отношениях с ним, готовностью к переносу на няню не только функций по уходу, но и «материнских чувств» [17]. Такие отношения матери и ребенка раннего возраста, опосредствованные включением чужого взрослого — няни, позволяют очертить границы зарождающейся социальной проблемы, связанной с угрозой следующим поколениям детей (их личностному становлению, групповой идентичности с семьей, выполнению социальных ролей в семье и т. п.), чьи родители воспитывались с раннего возраста в семьях с нянями. Не преувеличиваем ли мы данную проблему? Какие психологические эффекты воспитания ребенка раннего возраста в семье с наемным работником (няней) могут повлиять на последующее становление ребенка как личности, как субъекта социальных отношений, на его социализацию в целом?

Говоря об эффектах социализации в семье с наемным работником, мы акцентировали внимание на роли социальных факторов в формировании личности. В данном случае речь шла о взаимодействии «чужого взрослого», в той или иной степени подменяющего мать, и его воспитанника, а также отношениях матери и ребенка, определяющих специфичность его ранней социализации. Формулируя научную проблему о детерминации личности, ее свойств на разных стадиях социализации, мы опирались на *концепцию системной детерминации* Б. Ф. Ломова [13]. По его мнению, процесс развития человека и его психики обусловлен многими причинами, факторами и условиями, комбинация которых образует сложную систему. Нередко одни элементы этой системы (факторы и условия) противостоят воздействию других, что может приводить к изменению темпа или направления развития личности и отражаться на его результате («эффекте»). Представляя процесс социального развития как непрерывную смену детерминантов, согласимся с мнением Ломова, что достиг-

нутое на одной стадии выступает в качестве «внутреннего» фактора (предпосылки или опосредствующего звена) по отношению к результату следующей стадии. Разделяя идею об изменении роли «внешних» и «внутренних» факторов на каждой последующей стадии социализации, заметим следующее. В данном исследовании те индивидуально-, социально-психологические и личностные характеристики, которые формируются на первых стадиях ранней социализации в семье (младенчество, ранний возраст), рассматриваются в нашей работе как следствие «специфичных» условий (наличие/отсутствие наемного работника, частично выполняющего функции матери), на следующем этапе — в дошкольном возрасте становятся «внутренними» факторами по отношению к новообразованию — социально-психологическим свойствам личности, которые проявляются во взаимодействии со сверстниками и значимыми чужими взрослыми. В нашем исследовании в роли причины выступают условия воспитания ребенка в семье с наемным работником по уходу за ним (с рождения до 3 лет), следствием чего являются особенности социально-психологических свойств личности данных детей. В роли «внутренних» факторов — личностные характеристики ребенка, такие как уровень притязаний, самооценки, ситуативной тревожности и т. п.

Все вышеизложенное послужило основанием для формулировки *цели* исследования — выявление особенностей социально-психологических свойств личности в зависимости от наличия/отсутствия в семье наемного работника по уходу за ребенком (няни). Конечно, не сам факт присутствия/отсутствия няни в жизни ребенка раннего и младенческого возраста рассматривался нами как причина изучаемых особенностей. Речь идет о кумулятивной причине (в терминах Б. Ф. Ломова), порождающей особенности социально-психологических свойств данных детей. То есть, с одной стороны, — это *удаленная психологическая дистанция* матери и ребенка, ее готовность к передаче своих функций не только по уходу, но и по воспитанию ребенка наемному работнику, с другой стороны — это предпочитаемый *стиль профессионального взаимодействия* няни с воспитанником. Подробно эти явления были описаны нами в других публикациях [7; 8; 9; 17]. В настоящей статье будут представлены результаты сравнительного анализа изучаемого нами «эффекта» ранней социализации в семье с наемным работником.

Предмет исследования: различия в выраженности социально-психологических свойств личности в зависимости от условий ранней социализации в семье (с наемным работником по уходу за ребенком или без него). **Объектом исследования** являются социально-психологические свойства личности (самостоятельность, активность, эмпатия, направленность), проявляемые во взаимодействии со сверстниками и значимыми чужими взрослыми.

В теоретической модели были выделены три категории факторов: социально-демографические [пол, возраст, наличие брата или сестры (сиблинга)], личностные (самооценка, уровень тревожности, уровень притязаний) и социально-психологические (рефлексивная самооценка и социоме-

трический статус). В связи с ограничением объема публикации ниже будут представлены данные измерения личностных и социально-психологических характеристик.

Гипотеза: выраженность социально-психологических свойств личности в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней, указывает на низкий уровень их социально-психологической зрелости, который обусловлен личностными характеристиками этих детей, сформированными к данному возрасту, а также статусом ребенка в группе.

Методика

Участники исследования. В работе принимали участие 76 детей дошкольного возраста от 4,7 до 6 лет, а также мамы респондентов (76 человек) и их няни (38 человек). Общий объем выборки — 190 человек. Группы были разделены по критерию наличия/отсутствия няни с рождения и до 3 лет. В экспериментальную группу были включены дети, воспитывающиеся с рождения и до 3 лет в семьях с наемным работником (няней), в контрольную группу вошли дети, которые воспитывались также в полной семье, но без няни. Обе группы дошкольников были выровнены по критериям экономического статуса семьи, составу семьи (полная) и по полу респондентов (поровну мальчики и девочки). При включении детей в экспериментальную группу контролировался тот факт, что все няни респондентов имели полную занятость в семье (полный рабочий день, полная рабочая неделя) и присутствовали в жизни ребенка от рождения до 3 лет. Такая организация исследования, с одной стороны, не относится к категории экспериментальных [6; 12], но, с другой стороны, — наличие контрольной группы является обязательным элементом при установлении связей между причиной и следствием, фактором и эффектом его действия [19; 21].

Методики. Для выявления социально-психологических свойств личности применяли метод «проблемных ситуаций» («игра в мозаику») (авт. Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова), методику «Незаконченные истории» (авт. Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова), стандартизированное наблюдение за взаимодействием детей в группе. С целью изучения сферы межличностных отношений ребенка применяли методику Рене Жиля. Для выявления адекватности восприятия эмоциональных состояний других была использована методика «Эмоциональные лица» (авт. Н. Я. Семаго). Признаки эмоциональной депривации в отношениях с мамой, направленность интересов ребенка определялись с помощью проективной методики «Цветик-семицветик» (авт. И. М. Витковская). Блок методик, ориентированных на выявление социально-психологических характеристик детей, включал набор следующих методов и методик. Социометрический статус детей выявлялся с помощью процедуры социометрического исследования, уровень самооценки и рефлексивной самооценки — с помощью методики «Лесенка» (авт. В. Г. Щур). Анализ показателей тревожности в разных ситуациях жизнедеятельности ребенка проводился с опорой на «Тест тревож-

ности» (Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен). Для измерения уровня притязаний использовали методику «Конверты» (авторский вариант методики «Изучение уровня притязания детей в различных видах деятельности» Г. А. Урунтаевой, Ю. А. Афонькиной).

Методы статистического анализа включали описательные статистики, частотный, медианный, корреляционный, дискриминантный анализы. Различия выявлялись по критерию Краскела — Уоллиса (при $p < 0,05$).

Результаты

Проверка контрольной и экспериментальной групп на эквивалентность по социально-демографическим характеристикам семьи проводилась (Н-критерий Краскела — Уоллиса, при $p > 0,05$) по следующим критериям: пол детей, образование, а также состав, размер и уровень материального благосостояния семьи. Результаты показали, что по составу и размеру семьи, образовательному статусу родителей и полу детей значимых различий не выявлено. Обнаружены различия по критерию наличия/отсутствия сиблинга ($\chi^2 = 8,95$; $p = 0,003$). Данные медианного анализа показали, что в экспериментальной группе число детей, имеющих брата или сестру, меньше, чем в контрольной. Данный факт косвенно указывает на разницу в опыте взаимодействия респондентов с детьми младшего и старшего возраста.

Сравнительный анализ различий в выраженности социально-психологических свойств детей в контрольной и экспериментальной группах. На первом этапе исследования выявлялись различия в выраженности социально-психологических свойств (активность, эмпатичность, направленность, независимость от взрослого) у детей из двух групп: экспериментальной (дети, воспитывающиеся в семье с наемным работником — няней) и контрольной (дети, воспитывающиеся в раннем возрасте без няни). Для выявления различий применяли Н-критерий Краскела — Уоллиса (при $p \leq 0,05$; $p < 0,001^*$). Каждое свойство включало несколько параметров его оценки. Уровень развития *эмпатии, проявляемой во взаимодействии со сверстником*, определяли по параметрам: а) адекватность/неадекватность сопереживания сверстнику в той или иной ситуации взаимодействия с ним; б) реакция на успех сверстника-партнера по взаимодействию; в) готовность к помогающему поведению и формы его проявления; г) адекватность восприятия эмоций сверстника; д) выраженность чувствительности к сверстнику. *Направленность взаимодействия* оценивали по следующим параметрам: а) вектор направленности (на себя — на другого); б) модальность направленности (эгоистическая — альтруистическая); в) предпочитаемые стратегии взаимодействия; г) модальность оценки действий партнера по взаимодействию; д) эмоциональный фон направленности. *Самостоятельность/зависимость* детей во взаимодействии со сверстниками выявляли по таким параметрам, как: а) привлечение внимания взрослого для решения проблем; б) зависимость/независимость от взрослого как посредника в отношениях со сверстниками. Как показало наше исследование нянь, проведенное на ста-

дии пилотажа, все няни были ориентированы на формирование зависимости воспитанника от няни как посредника в отношениях со сверстниками [8]. Выраженность такого свойства, как *активность*, измеряли по следующим параметрам: а) степень вовлеченности во взаимодействие со сверстниками; б) степень включенности в конфликтное взаимодействие со сверстником; в) выраженность стремления к лидерству; г) инициативность во взаимодействии со сверстниками; д) участие в организации совместной деятельности со сверстниками.

Статистически значимые различия в двух группах детей обнаружили следующие показатели *эмпатии*: «сопереживание/равнодушие по отношению к сверстнику» ($\chi^2 = 6,09$); «формы помогающего поведения ребенка во взаимодействии со сверстником» ($\chi^2 = 3,42$) и «реакция на успех партнера по взаимодействию» ($\chi^2 = 9,46$). Также нами были обнаружены различия по параметрам оценки свойств *направленности на взаимодействие с другими*: «вектор направленности» ($\chi^2 = 24,24^*$) и «предпочитаемые стратегии взаимодействия» ($\chi^2 = 9,05$). Выраженность самостоятельности детей также различалась в двух группах, но только по параметру «зависимость/независимость от взрослого как посредника в отношениях со сверстниками» ($\chi^2 = 4,77$). Выраженность *активности* детей во взаимодействии с другими обнаружила статистически значимые различия по критериям «проявление инициативности во взаимодействии со сверстниками» ($\chi^2 = 7,044$) и «участие в организации совместной деятельности со сверстниками» ($\chi^2 = 6,64$).

Последующий *медианный анализ* показал, что у детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником — няней, выраженность *эмпатии* во взаимодействии с другими детьми характеризуется реакциями сопереживания сверстнику, неадекватными самой ситуации взаимодействия (79 % респондентов из экспериментальной группы), проявлением преимущественно провокационной и прагматической помощи (73,6 %), негативной реакцией на успех сверстника (60,5 %). В то время как дети из контрольной группы, наоборот, чаще демонстрировали адекватное ситуации взаимодействия сопереживание сверстникам (86,8 % респондентов), позитивно реагировали на успех сверстника (63,0 %) и предпочитали искренне помогать другим детям в сложившихся обстоятельствах (63,0 %).

Выявленные в двух группах различия по оценкам *направленности на взаимодействие* показали, что дети из экспериментальной группы в большей степени предпочитают стратегию на «избегание» («уход») (60,5 %) и в меньшей степени — на «сотрудничество» (39,5 %), в то время как дети из контрольной группы чаще используют стратегии «сотрудничество» и «компромисс» (71,0 %) и реже — «избегание» (29,0 %). В процессе игрового взаимодействия дети из экспериментальной группы чаще демонстрируют направленность на свои интересы, чем на интересы другого (68,4 %), а их сверстники из контрольной группы, наоборот, чаще направлены на интересы партнера по взаимодействию (76,3 %). Интересно, что статистически значимые различия

были обнаружены по такому параметру оценки самостоятельности, как «зависимость/независимость от взрослого». Как можно догадаться, зависимость детей от взрослого в ситуациях взаимодействия со сверстниками в экспериментальной группе выше (71,0 %), чем в контрольной (47,3 %). Респонденты из экспериментальной группы реже, чем их сверстники, проявляли инициативу во взаимодействии с другими детьми (52,6 %) и реже выступали в роли организатора совместной игровой деятельности (47,3 %).

Однако для более точного анализа выделенных различий в дальнейшем применялся дискриминантный анализ, который позволил наилучшим способом выявить набор переменных, различающих две группы детей с разными условиями ранней социализации в семье.

Результаты дискриминантного анализа показали следующее (табл. 1). Две группы респондентов различаются по набору переменных ($\lambda = 0,785$; $\chi^2 = 17,04$; $p = 0,014$), указывающих на проявление эмпатии во взаимодействии со сверстниками, характер направленности, выраженность самостоятельности/зависимости детей от взрослого, а также проявление активности детей в процессе взаимодействия со сверстниками. Конкретно в дискриминантную функцию вошли следующие переменные (все с положительным знаком): *адекватность восприятия эмоций сверстника, предпочитаемые формы помогающего поведения, чувствительность к сверстнику* (параметры оценки эмпатии); *модальность направленности (эгоизм/альтруизм), оценка действий партнера по взаимодействию* (параметры оценки направленности); *привлечение внимания взрослого* (параметр оценки самостоятельности); *степень вовлеченности во взаимодействие со сверстниками* (параметр оценки активности).

Таблица 1

Результаты дискриминантного анализа

Группа	Кол-во чел.	Предсказание принадлежности к группе по дискриминантной модели	
		Экспериментальная группа	Контрольная группа
Экспериментальная	38	34 чел. (89,5 %)	4 чел. (10,5 %)
Контрольная	38	2 чел. (5,0 %)	36 чел. (95,0 %)

В результате анализа получено 92,2 % правильно классифицированных случаев. Из числа респондентов экспериментальной группы 4 человека были ошибочно отнесены к контрольной и 2 человека из контрольной группы по значениям вышеперечисленных переменных также ошибочно были приписаны к экспериментальной.

Таким образом, социально-психологические свойства личности детей дошкольного возраста, проявляемые ими во взаимодействии со сверстниками и формирующиеся в разных условиях ранней социализации, то есть в семье с наемным работником (няней) и без него, отличаются по уровню

и выраженности семи из семнадцати заявленных в анализе показателей эмпатии, направленности, самостоятельности и активности личности. В *экспериментальной группе* обнаружены трудности проявления респондентами эмпатии как на уровне адекватности восприятия эмоций другого, так и на уровне оказания помощи сверстнику, проявления чувствительности по отношению к нему. Эгоистическая направленность данных детей на себя, свои интересы в процессе взаимодействия со сверстниками связана с негативными (иногда демонстративными) оценками действий и личности партнера по взаимодействию. Данные дети компенсируют трудности взаимодействия со сверстниками усиленным привлечением внимания взрослого (воспитателя, помощника воспитателя в детском саду), ситуации взаимодействия с которым для них более привычны (перенос сложившихся отношений с няней). Этот факт был установлен нами ранее [9].

Наша гипотеза о различиях в выраженности социально-психологических свойств личности, проявляемых во взаимодействии со сверстниками в зависимости от условий ранней социализации в семье (с наемным работником по уходу за ребенком и без него), частично подтвердилась. Существующие различия в большей степени затрагивают параметры проявления эмпатии и направленности взаимодействия детей, чем активности и самостоятельности ребенка, которые, по всей видимости, связаны и с другими факторами, не изучавшимися в нашей работе.

Сравнительный анализ различий в выраженности личностных и социально-психологических характеристиках детей в контрольной и экспериментальной группах также опирался на критерий Краскела — Уоллиса (при $p \leq 0,05$; $p < 0,001^*$). Сравнивались показатели уровня самооценки, уровня притязаний, ситуативной тревожности и социометрического статуса. Результаты исследования показали, что респонденты из двух групп отличаются по двум параметрам оценки уровня притязаний — его устойчивости ($\chi^2 = 20,16^*$) и зависимости уровня притязаний от предыдущего опыта — успеха/неуспеха при выборе трудных заданий ($\chi^2 = 5,62$). Также выявлены различия по показателям уровня самооценки ($\chi^2 = 10,83^*$). Различия в уровне тревожности проявились в ситуациях взаимодействия с матерью и младшим сиблингом ($\chi^2 = 26,43^*$), игрового взаимодействия со старшими детьми ($\chi^2 = 3,55$), взаимодействия с чужим взрослым ($\chi^2 = 7,99$). На данной группе респондентов различий по социометрическому статусу нами выявлено не было.

Медианный анализ показал, что уровень самооценки в экспериментальной группе в целом выше, чем в контрольной. Точнее, большинство (66 %) детей из экспериментальной группы имеют неадекватно завышенную самооценку. Дети, воспитывающиеся в раннем возрасте с нянями, обнаружили более высокий уровень тревожности в ситуациях взаимодействия с чужим взрослым, старшими детьми и в ситуации «ребенок — мать — сиблинг». Возможно, это связано с тем, что данные дети в ситуации игрового взаи-

модействия предпочитают роль «ведомого», то есть когда с ними организуют игру (ожидается инициатива более старшего ребенка или взрослого). Пассивная роль во взаимодействии с другими, как показало наше исследование, для них психологически более комфортна. Выявленные характеристики будут рассмотрены в дальнейшем в качестве внутреннего фактора исследуемых социально-психологических свойств личности детей из экспериментальной группы.

Итак, в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником, отличительным признаком личности респондентов является сочетание завышенной самооценки ребенка с высоким уровнем ситуативной тревожности, проявляемой им во взаимодействии со значимыми другими (мать и сиблинг, чужой взрослый, старшие дети), и низким уровнем притязаний. Социометрический статус как характеристика личности, демонстрирующая эмоциональное отношение других детей к ребенку, не выявил статистически значимых различий, по всей видимости, в связи с небольшим объемом выборки. Однако на этапе пилотажного исследования данная характеристика отличалась у детей с разными условиями ранней социализации, в связи с чем на следующем этапе работы она будет включена в совокупность внутренних факторов.

В дальнейшем будет выявляться связь только тех показателей социально-психологических свойств детей, которые вошли в дискриминантную модель, и их личностных и социально-психологических характеристик (уровень самооценки, рефлексивной самооценки, уровень притязаний, ситуативной тревожности, социометрический статус).

Взаимосвязь социально-психологических свойств и личностных, социально-психологических характеристик детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником — няней, определяли по критерию Спирмена при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,001^*$. Анализ взаимосвязи показателей *эмпатии и характеристик детей* выявил следующее. Показатель эмпатии — «адекватное восприятие эмоций сверстника» — положительно коррелирует с высоким уровнем обобщенного показателя ситуативной тревожности ($r = 0,30$) и отрицательно — с уровнем тревожности в ситуации взаимодействия ребенка с родителями ($r = -0,39^*$); показатель «чувствительность к сверстнику» связан с уровнем обобщенного показателя ситуативной тревожности ($r = 0,46^*$) и тревожности в ситуации взаимодействия ребенка со взрослым ($r = 0,36$). Аналогичная взаимосвязь обнаружена между предпочтениями форм помогающего поведения и показателями общей тревожности ($r = 0,26$), тревожности во взаимодействии со взрослым ($r = 0,44^*$). Конкретно, чем выше уровень эмпатии, тем ниже уровень тревожности в ситуации взаимодействия с родителями, но выше уровень обобщенного показателя ситуативной тревожности, а также тревожности, проявляемой в ситуациях взаимодействия с чужим взрослым, и наоборот. Поскольку дети в этой группе имеют низкие показатели эмпатии, то можно сделать промежуточный вывод

о связи низкого уровня эмпатии и отношений ребенка с родителями. Также выявлена связь между показателем эмпатии «адекватность/неадекватность восприятия эмоций сверстника в ситуации взаимодействия» и неустойчивостью уровня притязаний ($r = 0,25$). Чем адекватнее восприятие эмоций, тем выше уровень притязаний ребенка в ситуации решения задач. Показатель социометрического статуса детей в группе сверстников обратно пропорционально связан с такими показателями эмпатии, как «чувствительность к сверстнику» ($r = 0,25$) и «предпочитаемая форма помогающего поведения» ($r = -0,66^*$). То есть чем ниже статус, тем ниже чувствительность и выше склонность к провокационной или прагматической помощи.

Итак, *низкий уровень эмпатии* детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней, обусловлен не только самой ситуацией взаимодействия с наемным работником, но и характеристиками самого ребенка, которые формировались в этих условиях начиная с младенческого возраста, а проявились во взаимодействии со сверстниками уже в дошкольном возрасте. Речь идет о высоком уровне тревожности в разных ситуациях взаимодействия ребенка с родителями, чужими взрослыми и старшими детьми, а также о зависимости низкого уровня эмпатии от уровня притязаний (в данной группе он занижен). Напомним, результаты наших предыдущих исследований показали, что страх перед неудачей у детей формируется в процессе взаимодействия ребенка с няней, которая чаще всего сама дает оценку действиям ребенка и лишает его возможности самостоятельно оценить свой поступок [7; 8].

Анализ взаимосвязи показателей направленности на взаимодействие со сверстниками и характеристик детей выявил следующее. Показатель «модальность направленности» (альтруистическая/эгоистическая) связан с уровнем самооценки детей ($r = -0,34$), их социометрическим статусом в группе ($r = 0,39^*$) и уровнем тревожности в ситуации «игра с младшими детьми» ($r = 0,31$). Поскольку выявленная модальность направленности на взаимодействие в данной группе детей — эгоистическая, то можно предположить, что она связана с их низким социальным статусом в группе и неадекватно завышенной самооценкой данных детей. Причем связь здесь двусторонняя. То есть можно утверждать, что эгоистическая направленность детей во взаимодействии со сверстниками, их неадекватно завышенная самооценка также влияют на их низкий социометрический статус в группе. Второй показатель направленности — «оценка действий партнера по взаимодействию» (негативная, демонстративная, позитивная) — связан с уровнем обобщенного показателя ситуативной тревожности ($r = 0,60^*$) и ситуативной тревожности, проявляемой во взаимодействии «ребенок — взрослый» ($r = 0,23$), «ребенок — ребенок» ($r = 0,29$) и в ситуации игры со старшими детьми ($r = -0,25$). Итак, чем выше склонность детей к негативным оценкам, тем выше уровень обобщенного показателя ситуативной тревожности и тревожности, проявляемой в ситуации взаимодействия со

сверстниками и чужими взрослыми, и ниже в ситуации взаимодействия со старшими детьми. Последнее вполне объяснимо, так как старшие дети более снисходительны в игре к малышам. Этот же показатель (оценка действий партнера) связан с рефлексивной самооценкой детей ($r = -0,25$), уровнем притязаний ($r = 0,23$) и социометрическим статусом в группе ($r = -0,26$). Таким образом, негативный характер взаимодействия данных детей со сверстниками обусловлен их низким статусом в группе, повышенной ситуационной тревожностью в сфере взаимодействия со сверстниками и чужими взрослыми, а также неадекватным уровнем притязаний и низким уровнем рефлексивной самооценки. Последнее, с одной стороны, указывает на неуверенность детей в любви и признании близких, с другой — на проблемы рефлексии у данных респондентов.

Итак, *направленность* личности на взаимодействие со сверстниками в группе детей, воспитывающихся в условиях семьи с наемным работником, обусловлена низким уровнем притязаний, таким же уровнем социометрического статуса в группе сверстников, неадекватно завышенной самооценкой детей и, наоборот, заниженной рефлексивной самооценкой, а также повышенным уровнем ситуационной тревожности, проявляемой во взаимодействии с окружающими.

Анализ взаимосвязи показателя самостоятельности/зависимости от взрослого и характеристик детей, воспитывающихся в раннем возрасте няней, показал следующее. Напомним, что в дискриминантную модель вошел только один параметр оценки самостоятельности — привлечение внимания взрослого как посредника в отношениях со сверстниками. Он образует связь с уровнем самооценки ($r = 0,30$), уровнем притязаний ($r = 0,37$), показателем социометрического статуса в группе ($r = 0,43$), уровнем обобщенного показателя ситуативной тревожности ($r = -0,34$) и ситуативной тревожности в сфере навыков самообслуживания ($r = -0,25$). То есть привлечение внимания взрослого как посредника в решении проблем взаимодействия со сверстниками указывает на зависимость детей, воспитанных нянями, от взрослого. Данное свойство личности обусловлено высоким уровнем обобщенного показателя ситуативной тревожности и высоким уровнем тревожности в ситуациях, требующих проявления навыков самообслуживания, а также заниженной самооценкой и низким статусом в группе.

Анализ взаимосвязи показателя активности/пассивности и изучавшихся характеристик детей показал, что существует связь между показателем «степень вовлеченности во взаимодействие с другими детьми» и показателями социометрического статуса ребенка в группе ($r = -0,54^*$), рефлексивной самооценки ($r = -0,26$) и уровня обобщенного показателя ситуативной тревожности ($r = 0,34$). Данная связь указывает на то, что такой показатель пассивности «нянечных детей», как их незаинтересованность в игровом взаимодействии со сверстниками (он определялся по степени включенности ребенка во взаимодействие), обусловлен их низким статусом в группе свер-

стников, высокой ситуативной тревожностью и завышенной рефлексивной самооценкой этих детей.

Обсуждение результатов

Резюмируя вышеизложенное, заметим, что выраженность всех исследуемых свойств личности детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семьях с нянями, соответствует показателям низкого уровня *социально-психологической зрелости личности*, которая, по мнению А. Л. Журавлева, включает не только общие, но и «специфичные» признаки — процессы и состояния субъекта, проявляемые им в процессе соотнесения себя с другими, с ближайшим окружением и т. п. [11]. Говоря о признаках социально-психологической зрелости личности на этапе ранней социализации, мы предположили, что они могут быть измерены в четырехвекторной системе координат: «направленность на себя — на другого», «автономность, самостоятельность — зависимость», «способность к эмпатии» (в дошкольном возрасте «сопереживание — равнодушие»), «активность — пассивность». Все они характеризуют особенности взаимодействия ребенка со сверстниками и значимыми взрослыми в условиях межличностного общения [14; 20]. В нашем случае речь идет о *низком уровне эмпатии*, проявляемом детьми в неадекватности восприятия эмоций другого относительно сложившейся ситуации взаимодействия, предпочтении ими провокационной и прагматической помощи сверстнику, слабо выраженной чувствительности по отношению к нему, а также об *эгоистической направленности* данных детей на себя, свои интересы в процессе взаимодействия со сверстниками. Их склонность к негативным (иногда демонстративным) оценкам действий и личности партнера по взаимодействию также указывает на специфику направленности их взаимодействия со сверстниками. Проблемы взаимодействия они компенсируют *усиленным привлечением внимания взрослого* (воспитателя, помощника воспитателя в детском саду) как посредника в отношениях с другими детьми, что косвенно указывает на перенос ими сложившихся отношений с няней на других агентов социализации.

Сопоставляя результаты исследований, проведенных нами на нянях, и данных, полученных в настоящем исследовании, мы обнаружили следующее. Несмотря на различия в предпочитаемых стилях профессионального взаимодействия нянь, все они единодушны в том, что формированием эмпатии у ребенка должны заниматься родители, и не включают в систему своих воспитательных действий установки на эмпатию [7; 8]. Принимая во внимание тот факт, что няни находятся с ребенком полную рабочую неделю, а рабочий день часто длится не 7 и 8 часов, а более, то время общения родителей с ребенком раннего возраста ограничено. Также было обнаружено, что, следуя требованиям нанимателей, няни вынуждены ограничивать воспитанника от возможных неудач и ошибок в общении со сверстниками, выступая в роли посредника в отношениях с ними. В представлениях нянь, лишая ребенка самостоятельности и активности в познании окружающего природного и социального мира, они тем самым решают задачу «сохранения жизни и

здоровья воспитанника» [там же]. Однако утверждение о влиянии профессионального взаимодействия няни с ребенком на формирование социально-психологических свойств воспитанника в контексте каузальности некорректно. Ранее уже упоминалось о дистанцированности матери, готовой передать свои функции наемному работнику. Следует также заметить, что сформированные к определенному возрасту (в нашем случае от 4,7 до 6 лет) личностные и другие характеристики самого ребенка также выступают в качестве детерминантов выявленных свойств. То есть речь идет о «системном эффекте» внешнего и внутреннего. С одной стороны, это специфичный опыт взаимодействия с чужим взрослым, частично выполняющим функции матери, ее собственная позиция по отношению к ребенку, с другой — сформированные у ребенка качества личности и социально-психологические характеристики, определяющие его отношение к сверстникам в целом (низкий уровень доверия, эгоистичность, высокая зависимость от взрослого, отсутствие внутренней потребности в активном взаимодействии со сверстниками).

Выводы

1. Обнаружено, что социально-психологические свойства личности дошкольников, проявляемые ими во взаимодействии со значимыми другими (в первую очередь сверстниками), зависят от условий их становления и развития в семье на предыдущем этапе социализации.

2. Выраженность социально-психологических свойств личности в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней, характеризуется низким уровнем эмпатии, эгоистической направленностью на взаимодействие со сверстниками, зависимостью от взрослого как партнера по взаимодействию и низким уровнем проявления интереса к взаимодействию со сверстниками, что указывает на низкий уровень социально-психологической зрелости личности изучавшихся детей на актуальном этапе их социального развития.

3. Дети, воспитывающиеся в раннем возрасте в семьях без няни, более адекватно ситуации воспринимают эмоции сверстника, проявляют чувствительность по отношению к нему. В сравнении с детьми, воспитанными нянями, они в большей степени готовы оказать безусловную, чем прагматическую или провокационную помощь сверстнику. Они чаще, чем их сверстники из семей с нянями, проявляют альтруизм во взаимодействии со сверстниками и позитивно оценивают действия и личность партнера по взаимодействию. Данные дети реже обращаются к взрослому как партнеру по взаимодействию, предпочитая группу сверстников.

4. В группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте няней, сочетание неадекватной ситуации, чаще заниженного, уровня притязаний, завышенной самооценки и высокого уровня ситуативной тревожности и низкого социального статуса ребенка в группе сверстников может быть рассмотрено как внутренний фактор выраженности социально-психологических свойств ребенка.

The article presents results of a comparative research of personality's social and psychological properties in groups of children brought up in families with a hired worker (nurse) and without a nurse. Manifestation features of empathy, independence, orientation, activity in interaction with contemporaries in group of children brought up at early age in families with a nurse are considered as indicators of low level of their social and psychological maturity. The article investigates internal factors of personality's social and psychological properties in group of children brought up at early age in families with a nurse. For them the combination of an inadequate, more often underestimated level of claims, high self-esteem, high level of situational uneasiness and low social status in group of contemporaries are typical.

Keywords: personality's social and psychological properties, early socialization, hired worker (nurse), factors of early socialization.

Список литературы

1. *Авдеева Н. Н.* Адаптация ребенка к дошкольному учреждению: влияние матери / Н. Н. Авдеева // Современное дошкольное образование. Теория и практика. — 2013. — № 2. — С. 20–27.
2. *Адлер А.* Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер. — М. : Когито-Центр, 1999. — 220 с.
3. *Адлер А.* Развитие Я-концепции и воспитание / А. Адлер. — М. : Прогресс, 1986. — С. 30–66.
4. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. — 2-е изд. — М. : Академический проект, 2006. — 323 с.
5. *Василенко М. А.* Привязанность ребенка к матери как фактор ранней социализации : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. А. Василенко. — Курск, 2011. — 23 с.
6. *Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Влияние экономического образования на ценностные ориентации личности младшего школьника: программа квазиэксперимента // Современная психология: состояние и перспективы исследований: юбилейная научная конференция / Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2002. — С. 136–150.
7. *Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ / Т. В. Дробышева, М. А. Романовская // Социальная психология и общество. — 2015. — Т. 6. — № 3. — С. 81–97.
8. *Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлениях мамы воспитанника / Развитие психологии в системе человекознания: в 2 ч. // Т. В. Дробышева, М. А. Романовская / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2012. — Ч. 2. — С. 354–357.
9. *Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально-психологического исследования / Личность профессионала в современном мире // Т. В. Дробышева, М. А. Романовская / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2013. — С. 357–373.
10. *Емельянова Т. П.* Будущий брак в социальных представлениях юношей и девушек студенческого возраста / Т. П. Емельянова [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2014. — № 3 (май-июнь). — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Emelianova_Marriage-Students [архивировано в WebCite] (дата обращения: 22.07.2016).
11. *Журавлев А. Л.* Социально-психологическая зрелость: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / А. Л. Журавлев. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2007. — С. 198–222.
12. *Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Специфика естественного формирующего эксперимента в социально-психологическом исследовании / А. Л. Журавлев, Т. В. Дробышева // Вестник практической психологии образования. — 2008. — № 3. — С. 18–24.
13. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов / отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. — М. : Наука, 1984. — 444 с.

14. Принцип развития в современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2016.
15. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2012.
16. Психологические проблемы современного российского общества / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2012.
17. Романовская М. А. Социально-психологические типы мам детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (няней) / М. А. Романовская // Вестник Московского областного университета. Серия: Психологические науки. — 2016. — № 1. — С. 44–53.
18. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. — М. : Наука, 2007.
19. Социальная психология : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А. Л. Журавлев. — М. : ПЕР СЭ, 2002.
20. Феномен и категория зрелости в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 2007.
21. История и методы социальной психологии // Психология XXI века : учеб. для вузов / В. А. Хащенко и др.. — М. : ПЕР СЭ, 2003. — С. 613–634.
22. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. — СПб. : ЛЕНАТО ; АСТ ; Фонд «Университетская книга», 1996. — 592 с.

Е. П. Казикова

Теоретические основы исследования феномена эмоциональной зависимости учащихся подросткового и юношеского возраста от педагога

В статье представлено основное содержание аналитического обзора различных подходов к зависимости от другого человека в эмоциональных отношениях. Описаны типы данной зависимости на основе выделенных критериев их дифференциации в контексте межличностных отношений в диаде «педагог — ученик». Конкретизировано понятие «эмоциональная зависимость» (ЭЗ), рассмотрены основные характеристики ЭЗ от педагога, а также представлена система детерминантов ЭЗ в диаде «педагог — ученик».

Ключевые слова: эмоциональная зависимость, диада «педагог — ученик», образовательная среда, эмоциональные отношения, педагогическое взаимодействие.

В данном теоретическом исследовании предпринята попытка, с одной стороны, систематизировать (обозначить подходы) существующие исследования, посвященные проблеме зависимости в эмоциональных отношениях (ЭО), дифференцировать и описать на основе определенных критериев типы зависимости от другого человека, с другой — выявить и описать ключевые характеристики и особенности ЭЗ учащихся подросткового и юношеского возраста от педагога, представить систему детерминантов ЭЗ в диаде «педагог — ученик» для определения стратегии и содержания эмпирического исследования феномена ЭЗ учащихся старших классов от педагога.

Для учащихся образовательная среда является основным источником опыта взаимодействия и формирования системы отношений, определяющим актуальное личностное развитие и его перспективы, а также